



снимков – он был заядлым фотографом. На маленьком прилавочке продавали книжку с его портретом. На сцене стояли два микрофона, висел экран и небольшая, освещенная софитом фотография Жени. Зал был полон... Вел вечер руководитель театра Алексей Бородин – любимый режиссер Евгения. Алексей Владимирович говорил, что острота утраты не проходит и никогда не пройдет. “Но одновременно с этим ощущение Жениной “светоносности”, которая всегда была в нем при его жизни, остается и сейчас. Свет его с нами. И с каждым годом это ощу-

щается все сильнее”. Алексей Владимирович сказал, что 1 декабря – это некая вежа для тех, кто знал Женю. “И в этот день каждый год мы будем собираться столько, сколько нам уготовила Судьба. Сегодня у нас необыкновенный день еще и потому, что случилось то, о чем мы все мечтали: вышла книга о Жене...” Алексей Владимирович говорил о том, что Женя жил вздохом: играл в трех театрах, снимался в кино, вел передачи на радио, обожал жену и детей, умел дружить. Он являл собой пример “идейного человека” в театре. На протяжении всей его жизни

в нем присутствовала профессиональная честность. “Я однажды попросил группу наших артистов помочь мне в работе на курсе в ГИТИСе. В том числе Нину и Женю. Они отдавали этому огромную часть своего времени, сердца и души. Достаточно сказать, что дома у них сохранилась фильмотека всех отрывков, что они сделали со студентами двух курсов!”

Одним из самых близких друзей был его сокурсник, нынешний ректор Щукинского училища Евгений Князев. “Мы познакомились с Женей на вступительных экзаменах в училище, и вся последующая жизнь проходила рядом: мы близки душевно, близки домами. У нас была необходимость друг в друге. Его смерть потрясла меня. Боль до сих пор у меня внутри. Проходит время, мы суетимся и так или иначе смиряемся с утратами. А с этой смириться невозможно. Потому что вся моя жизнь была пройдена вместе с ним. Я был свидетелем зарождения его романа с Ниной и был свидетелем у них на свадьбе. После свадьбы, которая совпала с окончанием нашего института, мы побежали показываться в театр на Малой Бронной... Но на сцене нам встретиться не удалось.

Мне вспоминается случай: мы многократно отдыхали вместе в Рузе, и каждый день, оставив жен и детей, уезжали на своих машинах на работу. Он всегда ехал впереди, потому что любил быструю езду. Однажды моя машина по дороге сломалась. Я остановился и не знал, что делать: мобильных телефонов тогда еще не было. Прошло полчаса: вижу, он возвращается обратно. Сказал: “Мне показалось, что с тобой что-то случилось”. Взял мою машину на буксир и довез до Москвы...”

Последнюю роль Евгений сыграл в спектакле по пьесе Ростана “Принцесса Грѣза”. Он играл поэта. На вечере выступил Адольф Шапиро, который ставил этот спектакль: “Когда думаешь об артисте такого масштаба, inevitably приходит мысль, что он не сделал того, что мог бы. Мы потеряли актера, который воистину мог добраться до трагических высот. В нем чувствовалась нереализованность. Он был всегда в состоянии “стартовой энергетике”. При этом Женя представлял собой удивительное сочетание артистичности, человека высокой культуры и какой-то “шпанности”. Это было в Высоцком, в Олеге Дале. Это было и в Жене. С одной стороны, – эстет, приобщенный к высокой культуре, знающий поэзию, кино, занимавшийся фотографией. С другой, – какая-то нижегородская шпана. Это сочетание создавало особый артистизм и прекрасную “невписанность” в то, что мы называем массовой культурой.

Сейчас мы видим, как рождается другой тип артиста: с некоторым рудиментом “советскости” и большой внутренней буржуазностью. А такие люди, как Женя, антибуржуазны во всех своих проявлениях: и в манере поведения, и в работе, и во взаимоотношениях с друзьями. Я много думаю о нашем спектакле, о его роли, которая по воле судьбы стала последней в его жизни. И мне иногда кажется, а может быть, не надо было это делать, чтобы он выходил на авансцену и говорил о смерти. Анна Ахматова когда-то сказала, что все, что написано в стихах, случается. А то, что сыграно на сцене?...”

Сергей Женовач рассказал, что встретился с Евгением Дворжецким в далекой молодости в бездомной тогда студии “Человек”. Они замыслили “Короля Лира”, в котором Евгений потом блистательно сыграл Шута. “Пролетело пять лет, а у меня ощущение, что Женя всегда с нами, – говорит Женовач. – То время, когда мы вместе трудились, было такое счастье! Женя в памяти остался классным, мощным, умным артистом, глыбой, личностью, явлением! У него была поговорка: “Главное в артисте, это “умма”. И как же сейчас не хватает этого “умма”! Он любил жить и жадно работал. История нашего “Лира” до сих пор в памяти. Он буквально вгрызался в эту работу. Мы начинали “Лира” в студии “Человек” в бывшем рыбном магазине. Полomали стенки, сделали репетиционный зал. Репетировали в течение двух или трех лет. Ребята, которые сочиняли “Лира”, работали тогда в девяти разных театрах, поэтому после репетиций бежали на спектакли, а потом снова собирались. Так получилось, что тот спектакль мы выпустили в Театре на Малой Бронной. Мы все придумывали вместе: и декорации, и костюмы. Нам казалось, что атмосфера будущего спектакля была какой-то зябкой, и костюмы должны быть теплые. Женя в эскизах нарисовал какую-то красивую шубу. Но он сказал, что это не годится. И решил сам себе сделать костюм из кусочков меха. Мы купили мешки этих кусочков по 17 рублей за килограмм, из них потом сидели и шили костюмы. Он страшно гордился своим костюмом, который сделал из красных лоскутков... Потом была безумная ночь после премьеры “Короля Лира”. Говорили хорошие слова друг другу, гуляли всю ночь, напились. Это было лихое, счастливое время. Я думаю, что и в наше время он жил бы интересно: играл бы, придумывал бы какие-то интересные программы на телевидении. Он ничего не делал формально... Женя был удивительно живым, импровизирующим артистом. Всегда чувствовал партнера, всегда работал на партнера. Даже по кадрам, которые мы сегодня видели, понятно, какая у него была “энергетическая мощь” мышления”.

Самым главным человеком, который присутствовал на вечеру, была мама Евгения – Рива Яковлевна Левите. Остается только поражаться стойкости и жизненной энергии этой потрясающей женщины. “Есть поговорка: скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты. Сегодня в этом зале так много Жениных друзей, тех, кто его любил, знал и просто видел в спектаклях, в кино и на телевидении. То, что вы пришли, – это самая большая награда. Вы знаете, у меня хороший сын. Женя, как вы понимаете, для меня всегда мальчик. И сейчас, находясь на этой сцене, я вспоминаю его первые шаги в искусстве. Я бесконечно благодарна Алексею Владимировичу Бородину, который, увидев Женю в дипломном спектакле, пригласил его в театр. И при этом Алексей Владимирович совсем забыл, что мы с ним были давно знакомы. И только после того, как Женя прошел худсовет, я позвонила и поблагодарила его. Он тогда сокрушался: “Как же это я не подумал, что он из знаменитой семьи Дворжецких!” Это было предметом нашей семейной гордости... Меня иногда спрашивают, с какого возраста Женя собирался в артисты? Я всегда отвечаю, что ни-

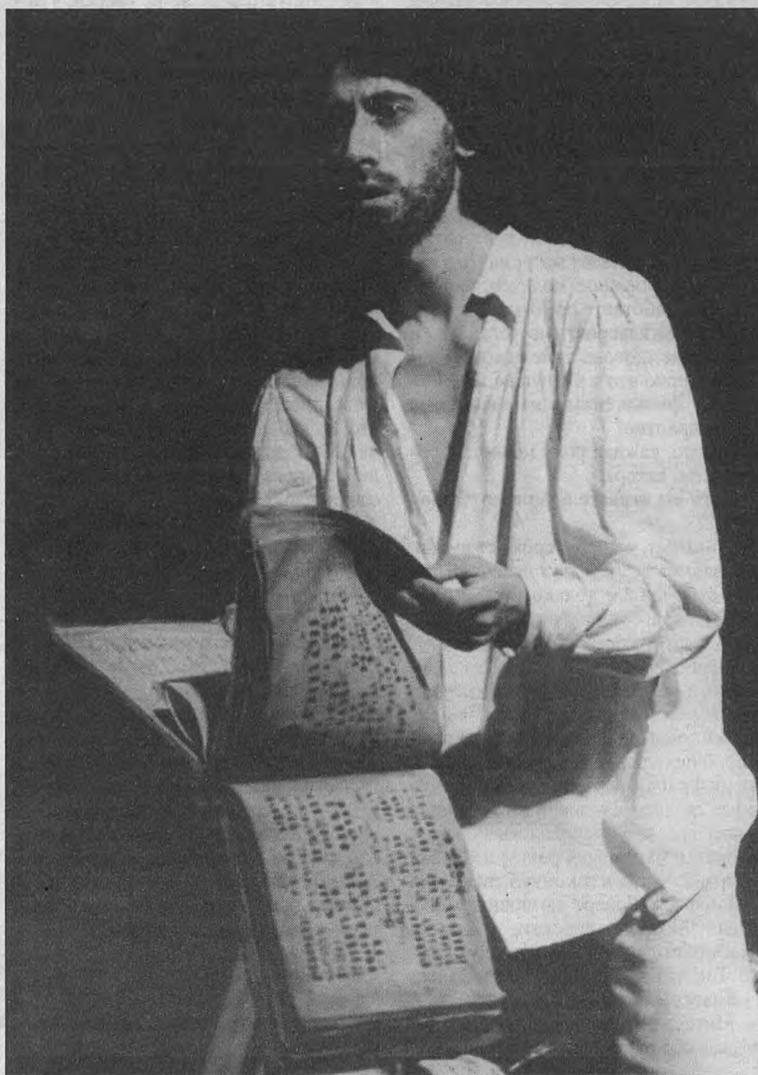
когда он не собирался и не хотел быть артистом. Его первый творческий порыв заключался в том, что к нему в школе подошла преподавательница литературы и спросила, хочет ли он пятерку. Он ответил, что хочет. “Тогда выучи стихотворение Маяковского”, – сказала она. Я дала ему книгу, он выучил, прочитал на вечеру. И его тут же пригласили участвовать в каком-то смотре. Он сказал: “Э, нет! Мне обещали пятерку, поставили, на этом мои взаимоотношения с искусством кончатся”. Папа наш очень огорчился, что Женя не ходит с ним на рыбалку, не занимается фотографией и всем прочим, чем с упоением занимался папа. Оказалось, что пример папы, гены – это так глубоко, так по-настоящему в нем жило!.. Мне все время задают эти дурацкие вопросы по поводу обреченности и предопределенности. Я категорически это все отрицаю. Все они – Дворжецкие – были жизнелюбы. Все они умели любить женщин, умели ответственно работать”. Рива Яковлевна говорила о своей огромной благодарности тем, благодаря кому стала возможной публикация замечательной книги о Жене, “премьера” которой состоялась в тот вечер.

На экране показывали фотографии, которые сделал Женя, снимки его самого в кругу друзей и родных, видеозаписи его спектаклей, кадры из фильмов. Выступали друзья, знакомые, учителя, ученики, коллеги, для которых их “Дворжик” всегда рядом...

Нина Дворжецкая в тот вечер представила книгу “Всегда ваш – Е. Дворжецкий”, изданную за счет личных средств семьи и друзей Жени. В нее вошли воспоминания Ривы Яковлевны Левите, Нины Дворжецкой, Владимира Стеклова, Андрея Ильина; одноклассников и однокурсников Жени по Щукинскому училищу – Натальи Павленковой, Елены Казариновой, Андрея Рапорта, Евгения Князева; актеров, коллег по цеху, с которыми он работал в театре и на съемочной площадке, – Льва Дурова, Алексея Горбунова, Алексея Веселкина; режиссеров – Адольфа Шапиро, Иосифа Райхельгауза, Сергея Женовача, Леонида Хейфеца; телеведущих – Дмитрия Диброва и Сергея Шустико; его учеников – Чулпан Хаматовой и Константина Карасика. Как написали в пресс-релизе авторы издания, “книга далека от академических эталонов серии “жизнь замечательных людей”. Здесь собраны живые и непосредственные воспоминания актеров, режиссеров, журналистов, с которыми Женя сводила судьба, насыщенные театральными и киношными курьезами, шутками, без которых немислимо закулисное бытие, житейские эпизоды, характеризующие личность. Но не только. В ней – сам Женя, неординарный и многогранный, такой, каким его знали друзья и каким хотели бы знать многие”.

В материале использованы фрагменты интервью с Евгением Дворжецким Ольги Егориной, Кати Сахаровой и Натальи Дмитриевой.

• Евгений Дворжецкий в фильме “Сибирский цирюльник” и в спектакле “Фауст”



экран и сцена -